

КОГНИТИВНАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

И.И. ЧЕСНОКОВ
(Волгоград)

ДИСКУРСИВНАЯ ТАКТИКА УГРОЗЫ: КОСВЕННЫЕ ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ (ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ)

Описывается тактика угрозы как структурная составляющая vindиктивного дискурса. Получают освещение косвенные формы объективации названной тактики, позволяющие субъекту речи реализовывать стратегию устрашения при формальном соблюдении этических (а в отдельных случаях и юридических) норм общения.

Ключевые слова: *vиндиктивный дискурс, стратегия устрашения, тактика угрозы, косвенная форма объективации, предупреждение.*

Тактика угрозы (как и другие структурные составляющие vindиктивного дискурса – тактики изгнания, поругания и злопожелания) реализуется в прямых и косвенно-производных формах [7]. К прямым формам объективации названной тактики мы относим такие высказываемые субъектом речи предложения, которыми он при угрозе несоблюдения или несоблюдении адресатом-агрессором тех или иных границ деятельности открыто выражает свое намерение причинить ему вред. В этих предложениях говорящий единолично или совместно с другими людьми выступает в роли карающей силы и преципирует себе или группе лиц, в которую он себя включает, будущие а) агрессивные действия, направленные на отчуждение объекта воздействия от себя и / или коллектива, причинение ему морального и / или физического вреда, а также лишение его жизни; б) речевые действия, указывающие на то, что он или группа лиц, в которую он себя включает, позаботится о применении против объекта воздействия вышеназванных карательных мер третьими лицами. Все вышеназванные формы объективации тактики угрозы являются агентивными предложениями, которые, с точки зрения ориентированных на угрожающий объект конкретно-коммуникативных смыслов (термин Н.И. Формановской [4, с. 18]), определяются нами как предупреждения-предсказания-обещания и сводятся к двум семантическим

инвариантам: 1) я / мы кого-л. покараю / ем и 2) я / мы позабочусь / позаботимся о применении против кого-л. карательных мер [5].

Иерархически организованное сообщество, как известно, налагает запреты на проявление индивидом агрессии как в предметно-практической, так и знаковой деятельности, что, в свою очередь, заставляет его обращаться к поиску нетрадиционных (косвенных) форм объективации тактики угрозы, которые позволяли бы ему реализовывать стратегию устрашения при формальном соблюдении этических (а в отдельных случаях – и юридических) норм социального взаимодействия. Решая эту проблему, говорящий продуцирует предложения, которые, характеризуясь направленностью на эвокацию у угрожающего объекта чувства страха, не выражают при этом его намерения применить по отношению к последнему те или иные карательные меры или позаботиться об их применении третьими лицами. Все эти предложения, с точки зрения ориентированных на угрожающий объект конкретно-коммуникативных смыслов, подразделяются на три группы: 1) предупреждения-предсказания-обещания, 2) предупреждения-предсказания и 3) предупреждения.

В предупреждениях-предсказаниях-обещаниях как косвенно-производных формах объективации тактики угрозы говорящий остается активно действующим лицом, выражающим свое намерение совершить нечто противоречащее воле угрожающего объекта, что, в свою очередь, свидетельствует о его нацеленности на обострение межличностного конфликта [6]. Если же говорящий стремится реализовать тактику угрозы, не обостряя (во всяком случае, явно) отношений с адресатом-агрессором, то он использует предложения, лишённые конкретно-коммуникативного смысла обещания. К ним, как уже отмечалось, мы относим предупреждения-предсказания и предупреждения.

Высказывая объективирующие тактику угрозы предупреждения-предсказания, говорящий весьма категорично заявляет об ожидающих адресата-агрессора неблагоприятных событиях или событиях, влекущих за собой неблагоприятные для него последствия [8]. Если же ситуация общения и связанное с ней эмоциональное состояние говорящего позволяют ему быть менее категоричным в своем речеповедении, то для реализации назван-

ной тактики он использует предложения, лишённые конкретно-коммуникативного смысла предсказания. Здесь мы имеем в виду такие высказываемые им предложения, которые, с точки зрения выражаемых ими конкретно-коммуникативных смыслов, представляют собой предупреждения и которыми он даёт понять адресату-агрессору, что (при определенных условиях) в его жизни могут произойти неблагоприятные события или события, влекущие за собой неблагоприятные для него последствия.

Объективируя тактику угрозы посредством предупреждений, говорящий сообщает адресату-агрессору о том, что имеет возможности или способности (при определенных условиях) совершить в отношении его агрессивные действия и тем самым выступает в роли человека, обладающего необходимыми потенциалом для применения карательных мер. Например:

– *Только о любви ничего больше не говорите. А то ведь я вам честного слова не дала. Могу застрелить* (Б. Акунин. Статский советник).

Ср.: *я тебя застрелю* – предупреждение-предсказание-обещание, *я буду вынужден тебя застрелить* – предупреждение-предсказание, *(я) могу (тебя) застрелить* – предупреждение.

Иногда для усиления коммуникативно-прагматического эффекта высказывания говорящий сообщает адресату-агрессору о своих 1) физических способностях, 2) психических особенностях или 3) статусных и морально-волевых параметрах, позволяющих с лёгкостью применить по отношению к кому бы то ни было самые жестокие карательные меры.

См.: 1) *Ты, земляк, со мной поаккуратней. Вот этими самыми руками я подковыгну, так что могу прибить тебя одним ударом* (записи живой речи, далее – ЗЖР).

2) *Не тронь! Я человек психический, мне ничего не стоит и промеж глаз захватить* (ЗЖР).

(В рассматриваемом ниже примере агент социального действия говорит о себе в третьем лице.)

3) – *Не играйся со мной – гляди, не совладаю. Князю человека кончить, что муху прибить* (Б. Акунин. Статский советник).

Объективируя тактику угрозы посредством предупреждений, говорящий нередко сообщает о своих агрессивных действиях, которые имели место в прошлом и которые, с его точки зрения, являются релевантными для

коррекции адресатом-агрессором своего поведения в наличной ситуации общения, ближайшем или отдалённом будущем.

– *Послушай, браток! Пару дней тому назад я за такие слова сломал одному бойцу челюсть. Так что ты базар-то фильтруй* (ЗЖР).

Заметим, что говорящий может также информировать адресата-агрессора о своих насильственных действиях, которые он обычно совершает в отношении нарушителей тех или иных границ деятельности (например: *За такие слова я обычно бью в морду*).

Довольно распространёнными формами объективации угрозы-предупреждения являются придаточные предложения времени с союзом «пока» и условия с союзом «если».

1) *Иди с глаз долой, пока я тебе не накостыляла* (ЗЖР).

2) *Уходи отсюда, если не хочешь получить от меня по шее* (ЗЖР).

Используя данные предложения, субъект речи ничего не обещает (ср.: ..., *а то я в тебя выстрелю*; ..., *а то я дам тебе по шее*) и ничего не предсказывает (ср.: ..., *а то мне придется в тебя выстрелить*; ..., *а то мне придется дать тебе по шее*), он всего лишь сообщает адресату-агрессору о том, что при несоблюдении заданных ему границ деятельности может в самое ближайшее время совершить в его отношении агрессивное действие, а это и есть предупреждение, или передача информации, релевантной для коррекции реципиентом своего поведения в наличной ситуации общения.

Думается, что аналогичная информация передается и посредством вопросительных предложений, которые представляют собой реплики-реакции, как правило, вышестоящего в том или ином статусном отношении лица на отказ реципиента подчиниться его воле:

– *Возьми ведро и иди за водой.*

– *Сам иди.*

– *Мне тебя ударить?*

– *Вот так всегда. Только и знаешь, что ударить да ударить* (ЗЖР).

Не менее распространёнными формами объективации угрозы-предупреждения являются сложноподчинённые предложения с придаточными условиями: главные части этих предложений описывают последствия агрессивных действий говорящего, а придаточные – называют эти самые действия в качестве возможных на случай несоблюдения угрожающим объектом заданных ему границ деятельности. В виндиктивных высказываниях такие сложноподчинённые предло-

жения находятся в постпозиции по отношению к выражающим волю говорящего императивным конструкциям и соединяются с ними противительным союзом *а то*.

1) – *Кому сказано: иди! А то, если разок вмажу, так от тебя одна доха останется* (В. Шукшин. Калина красная).

2) – *Ты, дохлец, мне не груби, а то, если я тебя ударю, то ты всю жизнь лечиться будешь* (Х/ф «Убойная сила»).

Широко употребительными формами объективации угрозы-предупреждения являются предложения, в которых субъект речи выражает опасение по поводу того, что его возможности (и способности) применить по отношению к адресату-агрессору карательные меры могут быть реализованы.

1) – *Смотри – не рано ли начал вольничать-то? Не взнуздal бы я тебя...* (А. Горький. Фома Гордеев).

2) – *Что-то ты перед отъездом осмелел: мать не слушаешь, отцу перечишь.... Не отходил бы я тебя на прощанье розгами* (А. Иванов. Тени исчезают в полдень).

Отдельно следует сказать о таких высказываемых субъектом речи предложениях, которыми он сообщает адресату-агрессору о том, какие карательные меры применил бы к нему за совершенные им проступки или преступления, если бы располагал для этого возможностями.

1) – *Благодари бога, что живой останешься... Моя бы власть – я бы тебя первого прикончил* (М. Шолохов. Тихий Дон).

2) – *Если бы я командовал батальоном, я бы тебя за воровство и пьянство расстрелял перед строем* (Х/ф «Штрафбат»).

Особое внимание к подобного рода предложениям обусловлено закономерно возникающим вопросом о соответствии их смыслового содержания целевой установке тактики угрозы – эвокации у адресата-агрессора чувства страха. Ведь очевидно, что для ее реализации субъект речи выбирает такие формы выражения угрозы, которыми дает понять адресату-агрессору, что располагает возможностью единолично или при помощи других лиц причинить ему вред. В рассматриваемых же примерах каждый из говорящих фактически (хотя и в косвенной форме) признается в том, что не имеет такой возможности, что, в свою очередь, в наличной ситуации социального взаимодействия должно скорее обрадовать их оппонентов, чем напугать. Однако следует признать и то, что, заявляя о своей позиции в моделируемой ситуации, каждый из говорящих представляет себя в качестве ис-

точника потенциальной угрозы, полагая, вероятно, что это не может не быть релевантным для коррекции адресатом-агрессором своего поведения в ближайшем или отдаленном будущем. Последнее обстоятельство, собственно, и позволяет подобного рода предложения рассматривать в качестве форм объективации угрозы-предупреждения, ориентированных, правда, на отсроченный перлокутивный эффект.

К формам объективации угрозы-предупреждения следует относить и выражающие желания-размышления субъекта речи так называемые оптативные конструкции: *Выдрать бы тебя за твои проделки, Вмазать бы тебе за твою наглость* и др. Данные конструкции также используются субъектом речи в ситуациях, когда, с его точки зрения, те или иные границы деятельности уже нарушены реципиентом и предназначены для коррекции последним своего поведения в ближайшем или отдаленном будущем.

Думается, что аналогичной коммуникативно-прагматической направленностью характеризуются и предложения с частицами *вот* и *как*, придающими названным в этих предложениях агрессивным действиям вероятностный характер: *Вот дам тебе в ухо за дерзость!; Как отлуплю тебя за вранье-то!* и др.

Рассмотренные выше формы выражения угрозы-предупреждения представлены в основном агентивными предложениями, в которых в роли карающей силы выступает сам говорящий и которые в своих семантических структурах содержат прямые или конвенциональные косвенные обозначения предидируемых им себе агрессивных действий. (Придаточное условия ..., *если не хочешь получить от меня по шее* рассматривается как пациентивное, поскольку коррелирует с семантическим инвариантом «..., тебе может быть причинен (кем-л.) вред».)

Объективируя тактику угрозы посредством предупреждений, субъект речи (как и в случае продуцирования предупреждений-предсказаний) может опираться на некую третью силу и, отводя ей в высказываемых предложениях роль исполнителя карательных мер, оставаться как бы в стороне от неблагоприятных для адресата (агрессора) событий.

1) – *Вы сообщайте, куда следует, но меня не пужайте, я не из полохливых.... И пока не трожьте меня.... А то, боюсь, как бы вас мои казаки не потрепали....* (М. Шолохов. Тихий Дон).

2) – *Верни мои карандаши, да побыстрей, пока не получил от отца по шее* (ЗЖР).

3) – *Смотри! За самоуправство и ты можешь быть поставлен к стенке!* (X/ф «Рожденная революцией»).

4) – *Не вмешивайся ты в наши дела... И возвращайся домой, пока тебе здесь не накостыляли* (ЗЖР).

При этом, если субъект речи указывает на конкретных лиц, которые могут стать исполнителями карательных мер, то он использует и агентивные (1), и пациентивные (2), близкие по своим значениям к страдательным конструкциям, предложения; если же он считает это неактуальным, то употребляет пациентивные предложения, относящиеся к категориям страдательных (3) и неопределенно-личных (4).

Следует отметить, что нередко субъект речи, объективируя тактику угрозы посредством предупреждений, представляет карательные меры как принятые в данном коллективе (сообществе) нормативные действия.

1) – *Так, ты ничего не видел и не слышал. Вали отсюда и запомни – стучачей в нашей роте секут офицерскими ремнями* (ЗЖР).

2) – *Чужого не бери. За воровство у нас устраивают темные* (ЗЖР).

В этих случаях, как видим, субъект речи использует предложения, которые по своим смысловым параметрам относятся к категории обобщенно-личных.

Кстати говоря, при совершении декларативного речевого акта угрозы-предупреждения в институциональной сфере общения вне личной конфликтной ситуации лицо, наделенное полномочиями устанавливать в сообществе нормы поведения и, соответственно, предусматривать карательные меры за их нарушение, использует, как правило, двусоставную страдательную конструкцию, в которой объектом виндиктивного воздействия является не человек, преступающий закон, а само преступление, имя, а во многих случаях – и развернутая дефиниция, где обстоятельства его совершения стоят на первых местах, затем располагается возвратный глагол *наказывается*, а после него – описание санкции или вариантов санкции. В качестве примера можно привести одну из статей Уголовного кодекса РФ:

Статья 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, наказывается ограничением свободы на срок до двух лет либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет [3].

Возможно, что подобного рода формы выражения угрозы-предупреждения, в которых объектом виндиктивного воздействия является не человек, а совершаемое им преступление, обусловлены христианским взглядом на мир, согласно которому карательные меры применяются не к конкретным лицам, а к несправедным деяниям [2, т. 2, с. 275]. Что же касается исполнителя карательных мер, то его обозначение в таких конструкциях не является актуальным, поскольку сами карательные меры представляются в них как принятые в обществе нормативные действия.

Возвращаясь к описанию наличной конфликтной ситуации общения, необходимо подчеркнуть, что нередко субъект речи, выражая угрозу-предупреждение, сообщает адресату-агрессору о событиях, которые могут произойти в его жизни как бы сами собой.

1) – *Еще одно слово – и ты можешь стать инвалидом* (ЗЖР).

2) – *Не вмешивался бы ты в наши дела. Не для тебя они..... Боюсь, как бы ты не лишился головы* (ЗЖР).

3) – *Вы не дали мне возможности встретиться со своим адвокатом. За это вам может сильно не поздоровиться* (X/ф «Крот»).

4) – *Так ты выходишь из игры?*
– *Да! И надеюсь, что мы никогда больше не встретимся!*

– *Очень хорошо.... Теперь не попасть бы тебе в автокатастрофу* (Там же).

В подобного рода случаях субъект речи использует пациентивные предложения, среди которых встречаются двусоставные (1), близкие по своим значениям к страдательным конструкциям (*ты можешь быть сильно избит*) или односоставным неопределенно-личным (*тебя могут сильно избить*), страдательные конструкции (2), а также односоставные безличные (3), в том числе и инфинитивные (4).

Объективирующие тактику угрозы предупреждения могут и не содержать в своих семантических структурах прямых или конвенциональных косвенных обозначений неблагоприятных для адресата (агрессора) событий. В подобного рода случаях мы говорим о предупреждениях, имплицитных угрожающую информацию.

Поскольку имплицитная угроза-предупреждение может быть представлена практически бесконечным множеством форм, есть смысл остановиться на тех из них, которые достаточно регулярно используются носителями русской лингвокультуры в конфликтных ситуациях общения и в связи с этим характеризуются известной долей ритуализации.

Прежде всего обратим внимание на высказываемые субъектом речи предложения, которыми он в конфликтных ситуациях общения указывает на свой высокий социальный статус и которые, соответственно, имплицитно информируют об имеющихся у него возможностях лично или при помощи других лиц причинить адресату-агрессору вред.

См.: – *Вы забываетесь, милостивый государь!... <...> Вы не знаете, с кем имете дело, милостивый государь! Я директор банка Жестяков!* (А. Чехов. Маска).

Конечно, угроза-предупреждение имплицитно и предложением *Вы не знаете, с кем имете дело, милостивый государь!*, которым говорящий намекает на свой высокий социальный статус и связанные с этим возможности покарать оппонента. Отметим, что такое предложение может употребляться говорящим в конфликтных ситуациях общения и без «сопровождения», раскрывающего тайну его автора.

Угроза-предупреждение имплицитно также и предложением *Вы забываетесь, милостивый государь!*, которым говорящий дает понять реципиенту, что тот нарушает нормы дозволенного, за что может быть наказан. Такое предложение (наряду с другими устойчивыми речевыми структурами *Не забывайтесь!*, *Вы переходите все границы!*, *Это уже слишком!* и т.д.) также может использоваться говорящим в качестве самостоятельной реплики-реакции на некие агрессивные, с его точки зрения, действия коммуниканта).

Нельзя не обратить внимания и на формы имплицитной угрозы-предупреждения, которыми говорящий в конфликтных ситуациях общения указывает на свою близость к лицу, занимающему высокое социальное положение или обладающему иными (физическими, морально-волевыми и др.) свойствами, позволяющими ему выступать в роли карающей силы.

И глядя на нее со злобой, остервенением, точно желая проглотить ее, Алексей Николаевич сказал тихим, придушенным голосом:

– *Вон отсюда!*

– *Что-о? – взвизгнула вдруг Щукина.*

– *Да как вы смеете? <...> Мой муж коллежский асессор!* (А. Чехов. Беззащитное существо).

Среди форм, имплицитно угрозу-предупреждение, встречаются предложения, которыми говорящий сообщает своему оппоненту о том, что осведомлен о какой-либо не-

благовидной (противоправной) его деятельности, из чего следует, что, обладая такими знаниями, может, поделившись ими с определенными государственными, общественными институтами или заинтересованными частными лицами, причинить ему вред.

Следующий пример взят из рассказа А.П. Чехова «Ведьма», в котором муж подозревает жену в колдовстве и, желая, чтобы она бросила это неблагоприятное для христиан занятие, сообщает ей о том, что все знает о ее тайной активности (имплицитно указывается возможность передачи этих сведений местному священнику со всеми вытекающими из данного обстоятельства неблагоприятными для нее последствиями).

– *Почту кружит!* – *прохрипел он, злобно косясь на жену. – Слышишь ты? Почту кружит! ... Я...я знаю! <...> Я все знаю, чтоб ты пропала! – Что ты знаешь? – тихо спросила дьячиха, не отрывая глаз от окна. – А то знаю, что все это твои дела, чертиха! <...> – Бесишься, глупый... – покойно заметила дьячиха. <...> А ветер гулял, как пьяный.... Муж прислушивался к этой музыке и хмурился. Дело в том, что он знал, или по крайней мере догадывался, к чему клонилась вся эта возня за окном и чьих рук это было дело. – Я зна-аю! – бормотал он, грозя кому-то под одеялом пальцем. – Я все знаю!*

Любопытно, что подобного рода формы имплицитной угрозы-предупреждения используются и в институциональной сфере общения: в частности, ФНС России, которая, побуждая предпринимателей платить налоги, использует рекламные щиты с надписями *Мы про вас все знаем*.

Достаточно распространенными и весьма устойчивыми формами имплицитной угрозы-предупреждения являются предложения, которые в vindиктивных высказываниях сопровождают (или предворяют) выражающие волю говорящего императивные конструкции и складываются из глагола *прошу* и квалифицирующего названное данным глаголом речевое действие наречия *добром* или *по-хорошему*.

– *Мне всю жизнь испортил! Теперь и детям напакостить хочешь! Уходи отсюда. Добром прошу* (ЗЖР).

...*Уходи отсюда. Прошу* и ...*Уходи отсюда. Добром прошу*.

В первом из сравниваемых вариантов предложение *Прошу* (фактически – глагол *прошу*) представляет собой, если пользоваться термином Ю.Д. Апресяна, эксплицитную перформативную приставку, помогающую ре-

ципиенту распознать характер производимого говорящим иллокутивного акта [1, с. 209].

Во втором – в предложении *Добром прошу* названный глагол не утрачивает функции экспликатора речевого намерения говорящего, однако связанное с ним в смысловом отношении наречие *добром* превращает все предложение в целом еще и в форму, имплицитную угрозу-предупреждение.

Можно привести и несколько иной пример, в котором наречие, теперь уже *похорошему*, квалифицирует не речевое действие говорящего, а предметно-практическое действие, которое предписывается говорящим реципиенту. Следующий пример взят из повести А.И. Солженицына «В круге первом» и представляет собой виндиктивную речеповеденческую реакцию Глеба Нержина на незаконную конфискацию у него книги. Обращаясь к офицеру службы охраны, он говорит, в частности, следующее: *Прошу: отдайте книгу по-хорошему*. Ср.: *Прошу: отдайте книгу* и *Прошу: отдайте книгу по-хорошему*.

В первом из сравниваемых вариантов предложение *отдайте книгу*, произнесенное без особой угрожающей интонации, представляет собой акт просьбы, соответствующий предваряющему его эксплицитному перформативу *Прошу*. Во втором – наречие *по-хорошему*, связанное в смысловом отношении с глаголом *отдайте*, «не отменяет» акта просьбы, но вносит в императивную конструкцию еще и иллокуцию угрозы-предупреждения. Что же касается глагола *прошу*, то он здесь используется, вероятно, не только для указания на производимое говорящим речевое действие (которое, действительно, производится и ограничивается словами *отдайте книгу*), но и для сокрытия другого, и без того завуалированного императивной конструкцией действия или тактики – угрозы-предупреждения.

Говоря о формах, имплицитных угрозу-предупреждение, нельзя не назвать и такие императивные конструкции, как *пеняй на себя* и *не обижайся*, которые используются как главные части сложных предложений, описывающих последствия невыполнения реципиентом воли говорящего.

1) – *Работу надо закончить до наступления темноты. Не закончишь – пеняй на себя* (Х/ф «Батальоны просят огня»).

2) – *К вечеру поле должно быть вспахано... А не вспашешь – не обижайся!* (М. Шолохов. Поднятая целина).

Весьма распространенными формами имплицитной угрозы-предупреждения являются

устойчивые речевые структуры, складывающиеся из частицы *только* и глагола в форме императива, указывающего на некое наказуемое, с точки зрения говорящего, действие, которое намеревается (или может) совершить его оппонент: *Только пикни!*, *Только пошевелись!* и т.д. Названная частица может сопровождаться и глагольным словосочетанием «попробуй / посмей + глагол в форме инфинитива»: *Только попробуй дотронуться до меня!*; *Только посмей рассказать об этом кому-нибудь!* и т.д.

Думается, что все эти структуры являются рудиментами некогда высказываемых субъектом речи сложных предложений, главные части которых указывали на ожидающие реципиента неблагоприятные события (например: *Только пикни – и я тебя убью*; *Только попробуй дотронуться до меня – и останешься без головы* и т.д.). А если это так, то их можно рассматривать как семантические конденсаты инвариантного смыслового содержания ранее сопоставившихся с ними частей сложных предложений.

В рамках настоящей статьи описывается ограниченный набор форм объективации угрозы-предупреждения, которые, на наш взгляд, являются наиболее употребительными в русской лингвокультуре. Однако мы можем констатировать, что конфликт между индивидом и обществом в части права на реализацию себя в качестве карающей силы является важнейшим фактором, стимулирующим речемыслительную деятельность, появление косвенных форм объективации и тактики угрозы, виндиктивного дискурса в целом.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 45. № 3. С. 208–223.
2. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: в 11 т. М., 2000–2006.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Принят Государственной Думой 24 мая 1996 года. СПб.: Альфа, 1996.
4. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и интенциональной семантике их единиц // Языковое общение и его единицы: сб. науч. ст. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. С. 18–27.
5. Чесноков И.И. Тактика угрозы как структурная составляющая виндиктивного дискурса (прямые формы объективации) // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. 2008. № 5 (29). С. 8–13.

6. Чесноков И.И. Тактика угрозы как структурная составляющая vindиктивного дискурса (косвенные формы объективации: предупреждения-предсказания-обещания) // У чистого источника родного языка: сб. науч. ст. к 60-летию проф. В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. С. 358–363.

7. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.

8. Чесноков И.И. Тактика угрозы как структурная составляющая vindиктивного дискурса (косвенные формы объективации: предупреждения-предсказания) // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 4: сб. ст. / отв. ред. Г.Г. Слышкин. Волгоград: ФГОУ ВПО «ВАГС». Волгоград: Информресурс, 2011. С. 218–223.

* * *

1. Apresjan Ju.D. Performativny v grammatike i slovarе // Izvestija AN SSSR. Ser. lit. i jaz. T. 45. № 3. S. 208–223.

2. Pravoslavnaja jenciklopedija / pod obshh. red. Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Aleksija II: v 11 t. M., 2000–2006.

3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 24 maja 1996 goda. SPb.: Al'fa, 1996.

4. Formanovskaja N.I. O kommunikativno-semanticheskijh gruppah i intencional'noj semantike ih edinic // Jazykovo obshhenie i ego edinicy: sb. nauch. st. Kalinin: Izd-vo Kalin. gos. un-ta, 1986. S. 18–27.

5. Chesnokov I.I. Taktika ugrozy kak strukturnaja sostavljajushhaja vindiktivnogo diskursa (prjamyе formy ob#ektivacii) // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filol. nauki. 2008. № 5 (29). S. 8–13.

6. Chesnokov I.I. Taktika ugrozy kak strukturnaja sostavljajushhaja vindiktivnogo diskursa (kosvennyе formy ob#ektivacii: preduprezhdenija-predskazaniya-obeshhanija) // U chistogo istochnika rodnogo jazyka: sb. nauch. st. k 60-letiju prof. V.I. Supruna. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2008. S. 358–363.

7. Chesnokov I.I. Mest' kak jemocional'nyj povedencheskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisaniya v kontekste russkoj lingvo-kul'tury): dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2009.

8. Chesnokov I.I. Taktika ugrozy kak strukturnaja sostavljajushhaja vindiktivnogo diskursa (kosvennyе formy obektivacii: preduprezhdenija-predskazaniya) // Menjajushhasja kommunikacija v menjajushhemsja mire – 4: sb. st. / отв. ред. G.G. Sлышкин. Volgograd: FGOU VPO «VAGS». Volgograd: Informresurs, 2011. S. 218–223.

The discursive tactic of threat: indirect forms of presentation: warnings

Tactic of threat as a structural component of vindictive discourse is described. Indirect forms of the above mentioned tactic presentation, which make it possible for a speaker to realize an intimidation strategy formally keeping ethical (and in certain cases – legal) norms of communication, get enlightenment.

Key words: *vindictive discourse, strategy of intimidation, tactic of threat, indirect form of presentation, warning.*

(Статья поступила в редакцию 28.01.2015)

Н.В. ЕФРЕМОВА
(Волгоград)

ДИАЛОГИЧНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЁНОГО

Диалогичность рассматривается не только как категория текста, стилиобразующий фактор, но и как текстовой механизм, который в направленности на адресата, его пресуппозиции, интуицию, понимание позволяет проследить процесс актуализации замысла и этапов представления нового знания адресантом.

Ключевые слова: *диалогичность научного текста, механизм текстообразования, языковые, речевые, дискурсивные средства выражения диалогичности.*

Научный текст с позиций когнитивно-дискурсивного подхода представляет собой не только источник новой научной информации со стороны адресанта, но и объект осмысления её содержания адресатом. Отсюда центральной текстообразующей категорией научного текста справедливо признаётся диалогичность, рассматриваемая в современной лингвистике в аспекте речевого общения адресанта и адресата [4; 7; 9; 11; 12], выявления особенностей диалогичности научного текста [1; 8; 16], описания функций диалогичности